

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

I

Гай Юлий Цезарь (102–44 гг. до н.э.) — одна из самых ярких фигур на фоне римской революции, продолжавшейся более ста лет, со времени трибуната *Тиберия Гракха* (133 г. до н.э.) и до поражения *Антония* в битве при *Акцииуме* (31 г. до н.э.). Грандиозные восточные войны, начиная со II в. до н.э., дали аристократии огромное множество рабов, среди которых были и специалисты по сельскому хозяйству¹. Благодаря этому аристократы могли развивать в своих поместьях весьма выгодную и высокую культуру, которой никоим образом не мог достигнуть труд италийских крестьян; последние поэтому часто вынуждены были продавать свои надельные участки аристократии (а иногда аристократы и силой вытесняли их с земли) и удалялись в Рим пополнять ряды столичного люмпен-пролетариата, жившего государственными продовольственными подачками, подарками триумфаторов и продажей собственных избирательных голосов.

Пока Рим завоевывал еще только Италию, он мог размещать избыток бедного населения в колониях на завоеванных италийских землях. Но уже к середине II в. до н.э. этот земельный фонд почти совершенно иссяк.

Так возникли гракховские аграрные движения, причем *Гай Гракх*, помимо сложного передела остатков италийской земли, намечает колонии вне Италии, например на месте разрушенного в 146 г. до н.э. Карфагена. Однако передел италийской земли сильно задевал интересы италийцев, так называемых «союзников» Рима, которые с давних пор, особенно со времен 2-й Пунической войны, наравне с римлянами содействовали расширению римского владычества за пределами Апеннинского полуострова, но которым близорукая и эгоистическая политика римской сенатской аристократии, вплоть до I в. до н.э., не давала римских гражданских прав, отстраняя их от участия в выборе римских магистратов и в римском правительстве. Дело окончилось их грандиозным восстанием, так называемой «Союзнической войной» (90—88 г. до н.э.), поглотившей много жертв с той и с другой стороны. Рим должен был уступить, тем более что это восстание совпало с ожесточенной и притом вооруженной борьбой демократической партии во главе с *Марием* (а затем *Цинной*) и аристократической — во главе с *Суллой*. А этой разрухой воспользовался могущественный понтийский царь *Митридат*, который перерезал на Востоке всех римских граждан и богачей и захватил часть владений в Малой Азии. Против него отправился Сулла, который по окончании этой войны победил римских демократов и расправился с ними ужасающим образом, причем, однако, главы римских демократов — *Цинна* и *Марий* — во время пребывания Суллы на Востоке не уступали ему в жестокости (см. потрясающий рассказ в первой книге «Гражданских войн» *Аппиана*). После победы Суллы часть демократов ушла в Испанию и под предводительством очень талантливого воина и политика *Сертория* захватила эту провинцию в свои руки, образовав как бы особое государство и вступив при этом в сношения не только с Митридатом (не окончательно разбитым Суллой), но и с пиратами, которые довели Рим до голода.

В самом деле, как ни высока была земледельческая культура в больших поместьях римских магнатов, но своего хлеба для Италии не хватало, а вместе с тем римское население сильно увеличивалось благодаря бегству обедневших крестьян в столицу и наплыву иностранцев со всего света. Сплошь и рядом возникали в Риме голодные бунты, и для урегулирования и обеспечения хлебного транспорта римское правительство вынуждено было в 67 г. до н.э. согласиться на чрезвычайную меру, выходящую за пределы Конституции, именно на то, чтобы облечь *Гн. Помпея* экстраординарной, расширенной властью (*imperium maius*) для борьбы с пиратами; а так как в следующем, 66 г., на Помпея было, кроме того, возложено окончание войны с Митридатом, то он, во главе большого флота и войска, становился господином всего Востока.

В ослабленной, но все-таки внушительной форме организация продовольствия (*cura annonae*) была поручена ему же и позднее, на целых пять лет, в 57 г. до н.э.

Печальный опыт Гракхов и затем *Сатурнина* показал, что как бы ни был влиятелен государственный деятель-реформатор, но он осужден на гибель без поддержки *военной силы*. В данную эпоху лишь военные таланты и преданное войско могли обеспечить за полководцем высшее положение в государстве. Так, *Марий*, вопреки всем конституционным законам и традициям, был семь раз консулом и главой государства. Точно так же и *Сулла* достиг диктатуры и неограниченной власти в Риме, опираясь на свою победоносную армию. Наконец, и *Помпей* тем же путем приобрел не предусмотренное Конституцией положение главы государства (*princeps*). Еще в молодости (двадцати пяти лет от роду), не занимая никакой должности, он потребовал и добился — за помощь, оказанную им Сулле в борьбе с марианцами, — двух триумфов (в 81 г. до н.э.), — отличие, на которое имели право лишь высшие магистраты и полководцы — консулы и преторы.

Частным же человеком, но с проконсульской властью, он окончил в Испании войну с *Серторием* (в 72 г. до н.э.), после чего, в союзе с *Крассом* и по договору с демократической партией, он оказал давление на сенат, подойдя к Риму со своей армией, и получил в 70 г. до н.э. консульство вопреки всяким традициям, так как перед этим не занимал не только курульных должностей эдила и претора, но даже первой, открывающей путь к сенаторскому званию должности квестора. Уже было сказано о его *impegium maius* в 67 и 66 гг. до н.э. по законопроектам трибунов *Габиния* и *Манилия*. В 54 г. до н.э. он, при помощи Цезаря, получает проконсульство в обеих Испаниях на пять лет, но управляет этими провинциями через своих легатов, а сам остается в окрестностях Рима, чтобы следить за текущей политической жизнью и, по мере надобности, оказывать на нее давление. Наконец, в тяжелый год разрухи (52-й), когда, помимо всего прочего, убийство известного демагога *Клодия*, кандидата в преторы, *Милонном*, кандидатом в консулы, грозило вызвать гражданскую войну, Помпей соединяет, уже вопреки всяким прецедентам, должность проконсула с должностью консула *sine collega*, являясь непосредственным предшественником принципата *Августа*. В этот год он набирает по всей Италии армию, а в самом Риме проводит судебно-политические законы с нарушением традиционных норм судопроизводства и для давления на суды вводит в Рим армию.

Со своей стороны, войско, набиравшееся со времен Мария из бедных граждан, рассчитывает не только на скромное государственное жалованье, но и на щедрые награды со стороны полководца и на земельные наделы. Известно, что Сулла насильственно отобрал для своих ветеранов земли у италийских крупных и мелких собственников, что обострило земельный кризис и увеличило ряды недовольных существующим порядком. Как ни велик был престиж полководцев и как ни строга была

военная дисциплина, тем не менее они должны были считаться с солдатскими настроениями.

Один из крупнейших римских полководцев — *Аукулл* — не мог закончить победоносной войны с Митридатом, потому что его армия, недовольная его скупостью, отказалась от заключительного (правда, трудного) похода. Бунтовали — в гражданскую войну — даже солдаты Цезаря, вообще очень ему преданные. Так, еще в самом начале этой войны, во время похода Цезаря в Испанию против легатов Помпея (49 г. до н.э.), возмутился отряд, стоявший в Плаценции, и был усмирен самим Цезарем по возвращении из этого похода. Гораздо опасней был бунт легионов, расквартированных в Кампании и предназначенных для войны в Африке с помпеянами. Попытки уговорить их были неудачными и стоили жизни двум сенаторам, отправившимся к ним с этой целью (в 47 г. до н.э.). Легионы эти даже двинулись на Рим, и только самому Цезарю, вернувшемуся из Египта и Малой Азии, удалось сломить их непокорство. А по мере развития гражданской войны солдаты переставали повиноваться и самому полководцу: если в Фарсальском сражении они еще слушались приказа Цезаря шадить сограждан, то в Африканскую кампанию, после победы при Тапсе, Цезаревы солдаты перебили всех сдавшихся помпеянцев, и Цезарь был бессилен остановить их.

Именно во время гражданских войн солдаты чувствовали себя господами положения, и, например, в 43 г. до н.э. *Октавиан*, соединившись с Антонием и *Лепидом* и требуя для себя от сената консульства, отправил с этой целью в Рим военную депутацию. Когда в сенате произошло замешательство по поводу столь неумеренных и противозаконных притязаний двадцатилетнего юноши, то Октавианов центурион, один из членов этой депутации, вынул меч и заявил: *Hic faciet si ves non feceritis* («Он сделает его консулом, если не сделаете вы»).

Вместе с тем в Риме не было ни одного сословия, на которое правящая сенатская аристократия могла бы опереться. Всадники, которые, однако, большей частью проживали в провинциях, были со времени Гая Гракха поставлены как бы над сенатом, поскольку в их руках находилось уголовно-политическое судопроизводство. Но этому положил конец Сулла, и, начиная с его диктатуры, политическая роль всадничества в самом Риме суживается; хотя в 70 г. до н.э. демократическая партия, опираясь на Помпея и Красса, восстановила обрезанный Суллой трибунат, она не решилась все-таки реставрировать гракховские суды, руководимые исключительно всадниками: теперь, по так называемому Аврелиеву закону, всадники образуют только одну треть состава присяжных; две остальные трети состоят из сенаторов и из зажиточных плебеев (*tribuni aerarii*). Правда, и теперь всадники еще могут оказывать некоторое влияние на выборы высших магистратов в качестве ростовщиков, снабжающих деньгами под проценты кандидатов на государственные должности. Но большое значение, несмотря на удар, нанесенный Суллой, всадники сохранили в провинциях, и с ними всегда приходилось считаться провинциальным магистратам. Однако каких-либо особых льгот они достигают не через сенат, а через вождей демократической партии (так, Цезарь в год своего консульства добился для них снижения откупной платы). Лишь в 63 г. до н.э., для борьбы с *Катилиной*, они на короткое время соединились с сенатом при посредстве *Цицерона*, который сам происходил из их сословия.

Сохранилось ли в эту эпоху то, что мы назвали бы средним сословием, сказать трудно. Верхушка плебса — зажиточные плебеи (*tribuni aerarii*) — вряд ли была многочисленна. Как велик был слой плебейства не очень зажиточного, но жившего безбедно, мы этого также не знаем². Весьма возможно, что большинство столичного

плебса состояло из людей бедных и даже из люмпен-пролетариата (вспомним, что целых триста двадцать тысяч жителей Рима состояли на государственном пайке); к нему присоединялись многочисленные вольноотпущенники и рабы, а также иностранцы — греки и представители разных народностей Востока; эти последние категории населения, правда, не могли принимать прямого участия в голосованиях на выборных и законодательных комициях, но они были сильны в подготовительных сходках (*contiones*); а из рабов, особенно гладиаторов, предводители партий как сенатской, так и демократической, набирали себе вооруженные отряды и при их помощи тормозили, а то и срывали работу комиций, причем эти выступления очень часто сопровождались весьма кровопролитными стычками.

Вообще многочисленность рабов внушала в эту эпоху большие опасения их владельцам, да и самому римскому правительству, не говоря уже о том, что восстающие массы рабов ставили под угрозу ближайшие окрестности Рима. У всех было в памяти грандиозное восстание рабов под предводительством талантливого и энергичного *Спартака* (73–71 гг. до н.э.), разбившего целый ряд правительственных регулярных армий, пока против него не было выставлено огромное войско под предводительством *Красса*, к которому затем пришел на помощь *Помпей*. Если в начале гражданской войны полководцы обеих партий предпочитают не включать беглых рабов в свои войска, то в конце ее мы видим их уже целыми десятками тысяч в войсках сыновей *Помпея* в Испании и у уцелевшего после разгрома последних помпеянцев в сражении при *Мунде Секста Помпея*³.

Уже указано, что демократия дала в 67 и 66 гг. до н.э. чрезвычайные полномочия *Помпею* для войны с пиратами и с *Митридатом*; но после отъезда *Помпея* на Восток, по свидетельству *Саллюстия* («Заговор *Катилины*»,

глава 39), «сила плебса уменьшилась, и могущество олигархов возросло» (особенно после легко давшегося успеха в борьбе с Катилиной), и римский плебс лишь носит название главы Римского государства, а в действительности является игрушкой в руках ловких демагогов. Вероятно, поэтому Цезарь (о чем см. ниже), всегда относившийся презрительно к сенату, со времени своего единовластия не обнаруживает уважения и к демократическим институтам. Все это в значительной степени парализовало деятельность сената; к тому же многие его представители были увлечены своими личными денежными интересами и жили в непомерной роскоши, мало заботясь о судьбе государства; таких энергичных людей, как *Катон Младший*, в сенате этого времени было очень немного. Тем не менее сенатская аристократия ревниво противилась доступу к высшим магистратурам, особенно консульству, со стороны «людей новых», и избрание Цицерона-всадника в консулы в 63 г. до н.э. было ярким исключением из общей сенатской политики, причем и оно было продиктовано только страхом перед Катилиной. И немудрено: высшие должности требовали от их представителей очень больших расходов в Риме, но зато давали огромные доходы в провинции, не только с обираемых провинциалов, но и с «союзных» тетрархов и царей. Так, в 58 г. до н.э. египетский царь *Птолемей Аулет* за свое утверждение на престоле дал Помпею и Цезарю взятку в шесть тысяч талантов (около тринадцати миллионов рублей золотом). Ввиду бедности и требовательности плебса, эти высшие должности доставлялись ценой колоссального подкупа избирателей: например, *Милон*, домогаясь консульства на 52 г. до н.э., истратил почти все свое состояние и несколько наследств в сумме семидесяти миллионов сестерциев (около семи миллионов рублей золотом). Еще больше тратил Цезарь из награбленных галльских денег на подкуп

как магистратов, так и желательных для него кандидатов на ответственные должности: например, он дал консулу 50 г. до н.э. *Эмилию Павлу* около трех миллионов рублей за молчание и огромную сумму (от одного до трех миллионов) талантливому трибуну *Куриону*. Но к подкупу избирателей прибегали и принципиальные противники этого обычая: так, в 60 г. до н.э., чтобы парализовать проходящего в консулы Цезаря, консерваторы, с одобрения самого Катона, потратили немало денег для проведения *Бибула*, заклятого врага Цезаря.

Общий хаос усиливался еще и потому, что римский государственный строй уже давно обветшал, так как во главе тогдашнего мира стоял *один только город Рим*, с его немногочисленной, но алчной и эгоистической правящей аристократией и разношерстным населением. В свою очередь аристократия ничего кроме Рима не признавала и относилась презрительно не только к провинциям, но и к самой Италии.

II

Вот в каком водовороте жил и действовал Цезарь. Он родился, вернее всего, в 102 г. до н.э. (но не в 100-м, как свидетельствует часть наших источников)⁴ и происходил из патрицианской (правда, не сановной) фамилии, что он с гордостью отмечает в надгробных речах в честь своей тетки Юлии и жены Корнелии, возводя свой род по тетке к царю Анку Марцию, а по отцу к самой Венере и ее внуку от Энея, Иулу, от которого, будто бы, ведет свое начало gens Julia (*Светоний*. Божественный Юлий, 6). С другой стороны, он связан тесными родственными узами с предводителями демократии — Марием, женатым на его тетке по отцу, и с Цинной, на дочери которого Корнелии он был женат сам. Требование Суллы (к которому он не подчинился) развестись с молодой любимой

женой окончательно вооружило его против сенатской партии, слабость и неспособность которой он при этом ясно видел. Еще в ранней юности он доблестно служил в азиатских войсках *Терма* и *Сервилия Исаврика*, проявив большую храбрость и инициативу; столь же смело он вел себя в плену у захвативших его пиратов (см. Светония). Еще не занимая ни одной должности, он привлек к суду за вымогательства в провинции консуляра и аристократа *Корнелия Долабеллу*, и если не добился его осуждения, то обратил на себя внимание силой и блеском своего красноречия. Будучи антисулланцем, он, однако, не принял участия в восстании консула Лепида (в 78 г. до н.э., в год смерти Суллы), добивавшегося уничтожения сулланской ультрааристократической Конституции. Зато в 70 г. до н.э. он всячески поддерживает предложение Помпея (получившего с помощью демократической партии консульство) о восстановлении народного трибуната, совершенно урезанного Суллой, а в год своей квестуры (68 г. до н.э.) содействует амнистии для бывших приверженцев Сертория. В 67 и 66 гг. до н.э. он агитирует в пользу принятия возмущивших сенатскую партию законопроектов трибунов Габиния и Манилия о даровании Помпею экстраординарной власти для борьбы с пиратами и с Митридатом. Сходясь, таким образом, с Помпеем, он привлекает на свою сторону и его соперника, богатейшего Красса, который открывает ему для политической агитации свой кредит. В 65 г. до н.э., будучи эдилом, он привлекает к себе римский плебс, с одной стороны, исключительно роскошными играми и постройкой великолепных общественных сооружений (впадая при этом в огромные долги), с другой — восстановлением статуй и трофеев Мария. Он также председательствует в судебной комиссии о признании убийцами тех лиц, которые при Сулле получили из казны деньги за принесенные ими головы убитых демократов.

Выбранный в 63 г. до н.э. в преторы, он вместе с Крассом негласно поддерживает заговорщическую деятельность Каталины и протестует в сенате против смертной казни арестованных катилинариев, вследствие чего при выходе из сената еле спасается от вооруженной всаднической молодежи. Тогда же он побеждает видного консерватора *Катула* на выборах на должность верховного понтифика, которая открывает ему большое влияние на народ и на государственные дела. Того же Катула он пробует привлечь к отчету по поводу производившейся им перестройки Капитолия и предлагает передать это дело в другие руки. Кроме того, он вызывает на суд перед комициями по обвинению в государственной измене (*perduellio*) престарелого *Рабурия* за участие в убийстве трибуна Сатурнина в 100 г. до н.э. Вообще претура Цезаря была прямым вызовом сенату и протекала столь бурно, что сенат отрешил его от должности и снова утвердил только потому, что Цезарь сам остановил готовившееся по этому поводу возмущение плебса. По окончании претуры ему досталась провинция Дальняя Испания, но он не мог сразу в нее выехать вследствие претензий своих кредиторов, пока за него не поручился в огромной сумме Красс. В этой провинции он сделал ряд удачных завоеваний, умиротворил часть провинциалов уменьшением податей и привез большие суммы в государственное казначейство, поправив и свои собственные денежные дела.

Вернувшись в Рим (точнее, в его окрестности), он стал добиваться триумфа и консульства, но, ввиду окончания избирательной кампании, должен был от триумфа отказаться. Вместе с тем, чтобы обеспечить себя и на будущее время, он помирил Красса и Помпея и заключил с ними тайный договор, называемый триумвиратом, с целью не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из них троих. Помпей